

С.Б. Ульянова
(Санкт-Петербург)

**“Ленинградский почин”
(Производственные совещания**

в системе мотивации и стимулирования труда в 1920-е гг.)

(статья опубликована в: Рынок труда в Санкт-Петербурге: проблемы и перспективы. Сб. науч. трудов / Под ред. проф. Б.В. Корнейчука. СПб.: Нестор, 2003. С. 72–83)

1920-е годы породили целый ряд новых форм стимулирования труда – производственные совещания и производственная пропаганда, ударные бригады, производственные переключки, конкурсы и смотры, рабочее изобретательство, социалистическое соревнование. В том или ином виде опыт той эпохи использовался в советской практике трудовых отношений и позднее. Несмотря на кардинальные перемены в социально-экономической сфере, происшедшие в России за последнее десятилетие, ретроспективный взгляд на специфичные для общества “реального социализма” формы мотивации и стимулирования труда может оказаться полезным, так как наша жизнь меняется непропорционально, и наши идеологические системы во многом “отстают” от современной жизни.

Советская историография истории рабочего класса с гордостью и подробно повествовала о возникновении на Балтийском заводе в 1924 г. первого производственного кружка, о дальнейшем распространении этого почина ленинградских рабочих в советской промышленности и об огромной роли производственных совещаний в экономике страны в годы первых пятилеток. Историография производственных совещаний насчитывает не одну сотню изданий.¹ Для партийной пропаганды производственные совещания были почти единственным более или менее реальным свидетельством участия рабочих в управлении производством, доказательством их практического распоряжения общенародной собственностью. Многочисленные работы содержат пересказ одних и тех же фактов, постановлений и директивных документов, цель которого сводится к тому, чтобы доказать, что совещания возникли еще в 1921 г. (на наш взгляд, подобное “удревление” истории производственных совещаний некорректно), что рабочие проявили к ним огромный интерес и активно стали участвовать в их работе, что производственные совещания превратились в школу “воспитания в рабочем классе социалистического отношения к труду, социалистической дисциплины труда”.²

Большинство современных исследователей приходит к выводу о том, что ведущая роль в системе мотивации труда рабочих в го-

ды нэпа отводилась материальным стимулам, связанным преимущественно с дифференциацией оплаты труда (в зависимости от квалификации работников, производительности их труда, условий работы).³ Однако постепенно возрастало значение и нематериальных стимулов, которые, к сожалению, не привлекают столь же пристального внимания историков.

Таким образом, если в советской историографии трудовых отношений доминировал идеологизированный подход с акцентом на моральные стимулы к труду, то современные исследователи, исправляя допущенный ранее крен, делают упор на вознаграждение как форму мотивации труда, оставляя в стороне попытки создания на советской фабрике в послереволюционное время нового отношения к труду.⁴

Между тем в глубоком изучении нуждаются вопросы, как же возникли и почему получили широкое распространение производственные кружки и совещания, каково соотношение инициативы снизу и организующего импульса сверху в оформлении этого вида производственной активности рабочего класса, что положительного и отрицательного внесли производственные совещания в промышленную жизнь, какое место заняли в системе трудовых отношений периода нэпа. Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо тщательно проанализировать документы, связанные с возникновением производственных кружков и совещаний, хранящиеся в фондах петербургских архивов. Именно ленинградский материал позволяет проследить, как из смутной идеи выросло мощное движение, как оно организационно оформлялось, институционализировалось, постепенно вписывалось в систему существовавших в промышленности отношений и пр. В общесоюзном масштабе мы имеем дело с распространением готового опыта, а Ленинград в данном случае можно рассматривать как испытательный полигон.

В конце 1923 – начале 1924 г. ситуация в промышленности была весьма напряженной: кризис сбыта, разразившийся осенью, привел к большим задержкам заработной платы и ее фактическому уменьшению. Нередкими стали забастовки и волынки. Канализировать рабочее недовольство правящая партия решила с помощью профессиональных союзов. Резолюция Политбюро “Об очередных задачах экономической политики” (24 декабря 1923 г.), “продублированная” на XIII партконференции в январе 1924 г., требовала от них вовлечения широких масс в обсуждение хозяйственного положения и текущей работы промышленных предприятий для того, чтобы “тщательно изучать и контролировать ведение дел в предприятиях, оказывая всемерное содействие хозорганам в деле улучшения хозяйства”. Одним из способов такого вовлечения были названы

производственные конференции с участием представителей хозяйственных органов, профсоюзов, партии и беспартийных рабочих.⁵

Параллельно с организацией сверху, под эгидой партийных и хозяйственных органов, производственных конференций в ленинградской промышленности возникло другое начинание. 2 января 1924 г. Районный комитет союза металлистов принял решение об организации на заводах кружков по производственным вопросам с добровольным членством в них.⁶ 8 января на совещании тарифно-экономических отделов профессиональных союзов при ТЭО ПГСПС было решено обсудить в союзах вопрос о создании производственных кружков и провести, в виде опыта, созыв производственных совещаний из уполномоченных цехов, специалистов и интересующихся экономическими вопросами рабочих.⁷ Но не успели профсоюзные функционеры всесторонне обсудить вопрос, как 9 января на Балтийском заводе возник первый производственный кружок: на делегатском собрании при обсуждении вопроса о вовлечении рабочих в производственную жизнь было решено создать производственно-экономический кружок. В его задачи должно было входить активное содействие заводоуправлению в совершенствовании и удешевлении производства. Всего записалось 47 человек. Было создано бюро кружка из трех человек, которое записывало рабочих, инженерно-технических работников и служащих. Вслед за Балтийским заводом подобные кружки стали появляться и на других предприятиях Ленинграда (к ноябрю 1924 г. их было уже 153).⁸ На первых порах, когда за пределами предприятия на них мало кто обращал внимание, кружки занимались выявлением наличных запасов сырья и материалов, ремонтом и использованием изношенного оборудования, наведением чистоты в цехах и т.д.

Власть заметила новую инициативу рабочих во время проведения кампании по поднятию производительности труда, которая с политической точки зрения должна была содействовать укреплению смычки рабочего класса и крестьянства. Предполагалось, что она позволит снизить промышленные цены за счет поднятия интенсивности труда с максимальным использованием рабочего времени и рациональной организации дела. Примыкать к этим двум направлениям должна была борьба с бесхозяйственностью.

Начало массовой кампании относится к августу 1924 г., когда пленум ЦК РКП(б) принял постановление “О политике зарплаты” и выдвинул в качестве главного лозунга дня увеличение производительности труда.⁹ Пленум потребовал прекращения повышения заработной платы и наметил основные направления проведения кампании: рациональная организация труда и производства, полная загрузка рабочего дня; увеличение норм выработки, максимальная за-

грузка машин; отмена ограничений сдельного приработка, пересмотр сдельных расценок; уменьшение доли подсобных рабочих и служащих; улучшение технического оборудования; дальнейшая концентрация производства; упрощение и максимальное сжатие ассортимента изделий массового потребления; сокращение накладных расходов; экономия сырья и топлива на предприятиях.¹⁰

Решения августовского пленума ЦК привели к увеличению числа трудовых конфликтов в промышленности. С ноября 1924 г. по май 1925 г. материалы ОГПУ фиксируют в среднем около 20 стачек в месяц.¹¹ Таким образом, власть встала перед необходимостью реализовать цели кампании, нейтрализовав рабочее недовольство.

Одним из способов стало создание производственных совещаний. Как говорил С.М. Киров: “Производственные совещания нужны, так как дают впечатление влияния рабочих на производство”.¹² Предполагалось, что рабочие, объединяясь в кружки, смогут устранить многие мелкие недочеты на заводах и подтолкнуть инженерно-технических и административных работников к улучшению организации производства.

На первых порах производственные кружки и совещания пошли по намеченному пути исправления мелких недостатков. Так, в новомеханической мастерской Путиловского завода совещание добилось расчистки мастерской от ненужных материалов и мусора, подведения воздуха для пневматического оборудования и т.д.¹³ Но постепенно участники производственных совещаний стали “покушаться” на прерогативы администрации, требовали допустить их к определению норм выработки, предоставить им право контролировать исполнение коллективных договоров (тем самым производственные совещания подменяли профсоюзный комитет). Ряд кружков занялся вопросами об увольнении рабочих, о новом приеме, о повышении ставок и т.п. На предприятии возник внутренний конфликт, чреватый серьезным осложнением взаимоотношений администрации с рабочими.

Как отмечалось в информационном докладе Ленинградского губкома РКП(б) за 15 июля – 15 октября 1924 г.: “На первых порах задачи кружков были поняты рабочими кое-где неправильно: в некоторых местах думали, что кружки ставят своей задачей контроль над действиями заводоуправления, иногда предполагали, что кружок должен пересматривать исключительно нормы выработки, расценки и т.п.”¹⁴ Очевидно, этот аспект деятельности производственных кружков напоминал трудящимся послереволюционные времена рабочего самоуправления, когда они на короткое время получили реальное право регулировать трудовые отношения на производстве.¹⁵ Анализ источников показывает, что производственные кружки поль-

зовались у рабочих популярностью там, где им удавалось разрешать производственные конфликты в пользу рабочих. Однако в 1924 г. политика советского руководства уже не предусматривала участия рабочих в управлении производством. В то же время по идеологическим соображениям власти было невыгодно демонстративно устранять элемент рабочей активности из системы трудовых отношений. К тому же, производственные кружки могли сослужить хорошую службу как способ давления на “спецов”. Поэтому, не отказываясь от идеи производственных совещаний, власть просто-напросто девальвировала ее, поставив деятельность производственных кружков и совещаний под жесткий контроль. Как говорилось в вышеупомянутом докладе ЛК, “настроения, появившиеся в начале деятельности кружков, были быстро изжиты, и работа вошла в правильные рамки”.¹⁶

Прежде всего, вышестоящие инстанции озаботились выработкой типовой структуры кружков и совещаний, стремясь исключить любую самостоятельность в определении принципов организации работы и руководства ими. Губком РКП(б) издал инструкцию, согласно которой “основная задача кружков заключается в том, чтобы с одной стороны, ознакомить рабочих, с экономическо-производственной деятельностью предприятия, взятой в его целом, и с другой стороны, получить ряд деловых предложений со стороны рабочих в области улучшения данного производства. В результате производственно-экономические кружки уже успели себя зарекомендовать, как одну из удачно найденных форм самостоятельности рабочих и вовлечения широких рабочих масс в активное участие по улучшению нашего производства. Вместе с тем, работа кружков является ярким показателем и в этом его огромное значение — полного единения рабочего класса с своей партией и пролетарским государством, когда сами же рабочие дают практические указания администрации, каким способом повышать производительность труда и исправлять технические недочеты производства.”¹⁷ Таким образом, деятельность кружков позволяла закамуфлировать истинное положение рабочего в системе трудовых отношений и одновременно заставляла администрацию предприятий чаще прибегать к помощи местной партийной ячейки и профсоюза в разрешении возникающих в работе кружков конфликтов. Не случайно, согласно той же инструкции, работой кружка должно было руководить бюро из представителей РКП(б), завкома, администрации, рабочих и ИТР. На открытых собраниях кружка обсуждается какой-либо вопрос, вносятся предложения, которые рассматриваются на Бюро, и оно их принимает или отвергает. Если предложение принято, Бюро передает его в завком, который договаривается с заводоуправлением о его практи-

ческом применении.¹⁸ В октябре 1924 г. по инициативе ЛГСПС все производственные кружки были переименованы в производственные совещания.¹⁹ 11 февраля 1925 г. “Ленинградская правда” опубликовала “Положение о производственных совещаниях”, окончательно унифицировавшее принципы их работы.

Ленинградская инициатива по созданию производственных кружков и совещаний оказалась востребованной во всесоюзном масштабе. 23 сентября 1924 г. газета “Труд” опубликовала положение ВЦСПС о производственных совещаниях. ВСНХ 2 марта 1925 г. издал циркуляр № 23, в котором определялась разница между производственными совещаниями, проводимыми профсоюзными органами, и работой производственно-технических комиссий при хозорганах: “Работа последних не носит массового характера и является текущей работой администрации”. В документе формулировалась цель производственных совещаний, состоящая в разрешении вопросов, непосредственно связанных с работой на предприятии, “дабы наилучшим образом мог быть использован опыт рабочих для улучшения хода и постановки производства, улучшения методов и удешевления самого производства, поднятия производительности и пр.”.²⁰ В мае того же 1925 г. выходит постановление ЦК ВКП(б) “О работе производственных совещаний и производственных конференций”. В нем вновь ставилась задача привлечения рабочих к активному участию в работе по повышению производительности и улучшению состояния производства.²¹

В деятельности производственных совещаний был один несомненно положительный момент – они позволяли преодолеть трения между различными звеньями производства. С другой стороны, развертывание их работы породило всплеск “антиинтеллектуализма” на предприятии. Вовлечь технический персонал заводов и фабрик в работу производственных совещаний было практически невозможно. Инженеры, обязанные участвовать в деятельности кружков и совещаний, делали это формально, а попытки рабочих давать указания о том, как им надо работать, воспринимали как личную обиду. На ряде предприятий заметна тенденция со стороны ИТР превратить производственные кружки в кружки самообразования, направить их работу в сторону повышения технической грамотности рабочих.²² Вскоре стало ясно, что наладить сотрудничество “белых” и “синих воротничков” не удастся, прежде всего, из-за процветавшего “пролетарского чванства” и “спецеедства”.

В определенном смысле конкуренцию производственным совещаниям составляли ячейки НОТ и “Лиги времени”, которые с 1923 г. также занимались вопросами рациональной организации труда на производстве, повышения производительности и т.п. В от-

личие от производственных совещаний, чья деятельность была построена на рабочей инициативе, нотовцы и лигисты действовали на основе научных разработок и нередко сталкивались с сопротивлением и неприятием в рабочей среде.

Довольно прохладно к производственным совещаниям отнеслись и хозяйственники. Для них активная работа кружков и совещаний означала нарушение существующей вертикали принятия и исполнения управленческих решений. Поэтому хозяйственники настаивали на том, чтобы рабочий, обнаружив какие-либо недочеты, обращался сначала к мастеру и только потом в производственный кружок.²³ Нередки были случаи, когда рабочие опасались проявлять себя в производственных кружках, говорили: “Пойдешь в кружок, там нужно с мастерами ссориться и тогда они в первую очередь вышибут”.²⁴

В фонде ЛК ВКП(б) сохранились материалы одного конфликта, возникшего на Сестрорецком оружейном заводе и разбившегося на уровне бюро губкома партии. 6 января 1925 г. управляющий В. Васильев издал распоряжение по технической части завода: “За последнее время наблюдаются некоторые попытки со стороны производственных кружков вмешиваться в административные функции Заведывающих мастерскими в виде требования от техперсонала мастерских всевозможных справок, возникающих при обсуждении некоторых вопросов на производственных совещаниях, на которые не были приглашены технические работники или лица, ответственные за ту или иную отрасль производства завода.

Считая такое явление не только ненормальным, но явно пагубным для производства вверенного мне завода, приказываю к точному и неуклонному исполнению нижеследующее:

Впредь не выполнять ни одного требования производственных кружков, если на данное совещание не были приглашены представители техперсонала от мастерской или отдела, от коего требуется справка и при всякой попытке членов производственных кружков внести дезорганизацию в порученное мне производство, немедленно удалять таковых из мастерской, доводя об этом до моего сведения.

Всю ответственность за производство возлагаю и в дальнейшем на Заведывающих мастерскими, а не на производственные кружки.

Настоящее мое распоряжение довести до сведения Завкома, Коллектива и производственных кружков”.²⁵

На XXI губпартконференции с критикой на это решение обрушился председатель губкома Союза металлистов Федоров. Начальник Севзапвоенпрома Авдеев потребовал от Васильева объяснений. Тот ответил, что скандальное распоряжение “служило отве-

том на запрос технических работников Завода, которые, благодаря вмешательству везде производственных кружков, не знали, кто же в конце концов является руководителем завода, отвечающим за производство, так как производственные кружки стали вмешиваться в административные функции и рассматривали на своих совещаниях не вопросы о поднятии производства, а разбирали личности и дела, подведомственные Р.К.К.

Я Вам приведу несколько примеров: кружок Механической маст. обсуждал на своем совещании вопрос о непригодности Главного Механика; кружок Инструментальной мастерской — о непригодности мастеров; Образцовой мастерской — о непригодности калильного мастера; Кузнечной — о непригодности наладчика и т.д. А параллельно с этим не было рассмотрено ни одного больного места производства, которых имеется непочатый край.

Почему, например, производственные кружки не нашли нужным обсуждать вопрос о простое обжигательных печей, о большом проценте брака Сверловой мастерской, о браке калки, о необходимости более бережливого отношения к инструменту и механическому оборудованию, о нормах выработки и поднятии производства, о воровстве, которое за последнее время принимает хронический характер, о хищении и использовании рабочими при ремонте станков частей старых станков, выдавая их за изготовленные вновь и получая как за новые и т.д., — а вместо этого кружки занялись перемыванием технического персонала, создавая этим вредные последствия для производства. <...>

Издавая свое распоряжение, я лишь выравнивал производственный фронт, давая понять всем тем, кто занимался не делом, а вносил дезорганизацию в порученное мне командование”.²⁶

Любопытна в данном случае позиция губкома ВКП(б), который осудил “спесь тов. Васильева” и форму, но не суть, его распоряжения, а также рекомендовал, чтобы “уклоны производкружка” выправляла коммунистическая часть заводоуправления.²⁷ Таким образом, партия в очередной раз выступила в качестве арбитра, обеспечив свое влияние на производственный процесс. Ведь очевидно, что отныне действия заводоуправления, равно как и производственного кружка, находящегося под крылом профсоюза, подлежали контролю со стороны партячейки.

В сущности же, стремясь избежать подобных конфликтов в промышленности советско-партийное руководство поспешило изъять из компетенции производственных совещаний обсуждение решений администрации предприятий, вопросы тарифной работы и пр.²⁸ Сверху в директивном порядке на заводах стали создаваться производственные комиссии фабзавместкомов, на которые возлага-

лось руководство работой общезаводского и цеховых производственных совещаний. В состав комиссии входили член завкома, красный спец, представитель администрации, член бюро коллектива РКП(б), член рабочей части РКК и представители от рабочих.²⁹

О том, насколько потенциально конфликтной для промышленного сообщества была деятельность производственных совещаний, можно судить по стенограмме состоявшегося 7 июля 1925 г. совещания представителей профорганизаций и хозорганов по вопросу об усилении работы производственных совещаний и экономработы союзов в ЛГСПС. На нем разгорелась жаркая перепалка между профессионалистами и хозяйственниками, вылившаяся, по сути дела, в спор о том, кто на предприятии хозяин.³⁰ Представители союзов настаивали на том, что программа работы производственных совещаний должна быть расширена, что от мелочей надо перейти к обсуждению общих вопросов работы предприятия. Иначе удержать внимание рабочих, их производственную активность на прежнем уровне не удастся. “Красные директора”, напротив, утверждали, что совещания собираются слишком часто, обсуждают надуманные вопросы, рабочие не видят дальше своего станка. Совещаниям недостает-де технического руководства, они некомпетентно вмешиваются в ход работы. Большинство предложений совещаний устаревает, не дождавшись реализации. Примечательную мысль высказал представитель завода им. Егорова Александров, который назвал работу совещаний “заплаткой на ветоши. Может быть заплатки то и новы, но одежда, на которую они клались, представляет собою ветошь”. В этой фразе сформулирована суть проблемы: восстановительный эффект в промышленности исчерпан, и поднять производительности труда без серьезных капиталовложений в ее реконструкцию невозможно.

Председатель Ленинградского машиностроительного треста Михайлов выразил на совещании общее мнение хозяйственников: “Вести производство митингами нельзя. Производственные совещания должны перейти к систематической работе, потому что выносить сотни предложений это фантазия. <...> Надо постепенно, потише выдвигать наиболее существенные вопросы. <...> Производственные совещания будут работать тише, но результатов будет больше. <...> О том, чтобы производственные совещания управляли заводами не может быть и речи. <...> Производственное совещание должно быть помощником директора, помощником мастера, должно быть переходным мостиком и постепенно налаживало бы работу, с одной стороны информировало бы массы, а с другой стороны, чтобы оно следило за работой, потому что часто один человек может про-

пустить отдельное явление, а тут навыки рабочих будут скопляться, будут записываться”.

Производственные совещания сосредоточились на цеховых “мелочах”, сумев добиться на этом направлении неплохих результатов. Вот, например, предложения производственных кружков и совещаний трестов ленинградской химической промышленности, осуществленные в ходе кампании по поднятию производительности труда во второй половине 1924 г.: использование лошади для перевозки грузов, использование остатков от высолки для изготовления нового сорта мыла, увеличение количества электрических лампочек в отделении, уменьшение расстояния от столов с мылом до упаковок (завод им. Карпова); уплотнение рабочего дня, борьба с прогулами, рациональное использование отходов, изменение ручного способа разлива жидкостей и резки мыла и т.п. (Ленинградская химлаборатория) и т.д.³¹

По данным Губпрофсовета на 1 октября 1925 г. в совещаниях участвовало 18,7% всех рабочих девяти крупнейших профессиональных союзов.³² Как следует из сводки Ленинградского бюро статистики труда, из рассмотренных на совещаниях за январь–сентябрь 1925 г. вопросов 20,5% составляли вопросы организации совещаний, 12,2% – разные доклады и отчеты, 57% – предложения (в т.ч. 1,8% – крупные улучшения и изобретения).³³ Из выдвинутых совещаниями предложений в жизнь было проведено немногим более половины, а почти 14% – оставлены администрацией предприятий без ответа.³⁴

За исключением Ленинграда, в других городах производственные совещания работали в 1924—1925 гг. настолько слабо, что ВЦСПС даже высказывал сомнения в их целесообразности.

После того, как в 1925 г. кампания по поднятию производительности труда была завершена, власть просто не знала, как поступить с производственными совещаниями. Это ведь были не временные комиссии, которые легко ликвидировались. Рабочим надо было объяснить, почему совещания, создававшиеся для “постоянной работы”, себя изжили. А признаваться в кампанейском использовании массового энтузиазма не хотелось.

Вопрос о производственных совещаниях обсуждался на пленуме Ленинградского губкома ВКП(б) 15 сентября 1926 г. Докладчик Розенблюм констатировал, что совещания находятся в упадке. Они плохо организованы, подчас подменяются производственными комиссиями. Рабочие предложения остаются без внимания, профсоюзы слабо руководят работой совещаний, ИТР недостаточно участвуют в их работе. По мнению большинства выступавших, именно производственные совещания стали главным центром “спецеества” на фабрике: “Зачастую производ. совещания ведут обсуждение во-

проса не в плоскости устранения недостатков, а в плоскости поисков виновников этих недостатков. А поскольку здесь сидит зав. цехом или заведывающий мастерской естественно начинается распекание и производ. совещание превращается для них в судилище”; “Мы сплошь и рядом занимаемся избиванием специалистов, поэтому они смотрят на производственные совещания не как на свой орган, а как на орган, где они отчитываются, смотрят, как бы им не сделать той или другой ошибки, потому что иначе их потащит рабкор в стенную газету, к чорту, к дьяволу и через некоторое время выкинут”. Общее настроение участников пленума было скептическим.³⁵

Однако, старт новой масштабной кампании по проведению режима экономии (1926 г.) и последовавшие за нею кампании по рационализации производства и снижению себестоимости продукции (1927—1928 гг.) вновь сделали производственные совещания полезными и нужными. Бюрократизированные и регламентированные, они стали частью механизма реализации провозглашенных сверху лозунгов хозяйственной политики. Производственные совещания на рубеже 20–30-х гг. составной частью вошли в движение ударничества и социалистического соревнования.

В центре советской политики в области трудовых отношений в 20-е гг. находились вопросы производительности труда и т.н. “социалистической дисциплины труда”. В это время, в отличие от предшествующего “героического периода русской революции”, возможность опоры на энтузиазм рабочих и моральные побуждения сильно сократилась, а путь выдвижения на первый план материальных стимулов наталкивался на объективные трудности экономического развития. Одним из вариантов разрешения этого конфликта стали производственные совещания, которые позволяли повысить социальную активность трудящихся, несмотря на прогрессирующий процесс отчуждения их от собственности, и поднять производительность промышленного труда.

¹ См., напр.: Воскресенская М., Новоселов Л. Производственные совещания – школа управления (1921–1965 гг.). М., 1965; Остапенко И.П. Участие рабочего класса СССР в управлении производством (Производственные совещания в промышленности в 1921–1932 гг.). М., 1964; Рогачевская Л.С. Из истории рабочего класса СССР в первые годы индустриализации. М., 1959; История рабочих Ленинграда. Т. 2. М., 1972; Ленинградские рабочие в борьбе за социализм. Л., 1965

-
- ² См., напр.: Лебедева Н.Б., Шкаратан О.И. Очерки истории социалистического соревнования. Л., 1966. С. 55; Воскресенская М., Новоселов Л. Производственные совещания – школа управления (1921–1965 гг.). М., 1965. С. 26
- ³ См., напр.: Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг. М., 1998. С.127; Бородкин Л.И., Сафонова Е.И. Государственное регулирование трудовых отношений в годы нэпа: формирование системы мотивации труда в промышленности // Экономическая история. Обзорение. Вып. 5. М., 2000
- ⁴ Немногочисленные исключения — основательная монография Г.Р. Наумовой “Русская фабрика” (М., 1998) и работа А.А. Ильюхова “Политика советской власти в сфере труда. 1917-1922 гг.” (Смоленск, 1998). Однако рассмотренные в них сюжеты не выходят за хронологические рамки начала 20-х гг.
- ⁵ КПСС в резолюциях... Т. 3. М., 1984. С. 176
- ⁶ Лебедева, Шкаратан. Очерки истории социалистического соревнования. С. 56
- ⁷ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 99. Д. 13. Л. 1-2
- ⁸ Бибииков Ю., Москалев С. Профсоюзы Ленинграда в годы Советской власти. М., 1960. С. 62.
- ⁹ КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 293–296
- ¹⁰ КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 293 – 296
- ¹¹ Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. М., 1994. С. 147
- ¹² ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 173. Л. 5-87
- ¹³ Лебедева, Шкаратан. Очерки истории социалистического соревнования. С. 57
- ¹⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 522. Л. 43
- ¹⁵ О результатах этого см.: Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917 год. М., 1998
- ¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 522. Л. 43
- ¹⁷ Там же. Л. 43
- ¹⁸ Там же. Л. 44
- ¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 99. Д. 13. Л. 81-82, 99
- ²⁰ Сборник приказов и циркуляров по ВСНХ СССР и РСФСР. М., 1925. Сб. №11. С.46
- ²¹ Профсоюз текстильщиков. Краткий исторический очерк. М., 1963. С. 91
- ²² ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 522. Л. 46; ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 9. Д. 40. Л. 69–71
- ²³ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 8. Д. 31. Л. 68
- ²⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 5. Д. 5907. Л. 12-21
- ²⁵ Там же. Оп. 6. Д. 6132. Л. 2
- ²⁶ Там же. Л. 1
- ²⁷ Там же. Л. 10
- ²⁸ ЦГА СПб. Ф. 1552. Оп. 5. Д. 181. Л. 148
- ²⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1270. Л. 13-15
- ³⁰ Там же. Ф. 16. Оп. 6. Д. 6813. Л. 1-80
- ³¹ ЦГА СПб. Ф. 1552. Оп. 5. Д. 589. Л. 2–22
- ³² Профсоюзы СССР. Док. и мат. Т. 2. М., 1963. С. 364–365.
- ³³ Там же. С. 366. По этим цифрам, кстати, можно судить о степени заорганизованности работы совещаний.
- ³⁴ Там же. С. 366
- ³⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 173. Л. 5-87